

Но он не мог наброситься, а уж тем более нахально искушать человека. Поэтому в самой глубине сердца крошечным муравьям оставалось лишь медленно и густо въедаться в него самого...

Теплая ладонь скользнула по руке, вдоль талии и опустилась ниже.

Ли Вэйдун вздрогнул. Ч-что... Разве они не договаривались не трогать? Что... что ты собираешься делать?!

Его длинное бедро перехватили.

Ли Вэйдун окончательно пал духом, в эту секунду внутренне приготовившись к роли овечки в лапах тигра.

Ха... Смысла спорить не было, оставалось покориться судьбе. Перед лицом этого несомненного суперхищника, дикого зверя, какой толк упрямо вытягивать шею и доказывать, что ты вообще-то и сам охотник, плотоядный и с отличной выносливостью чистый топ, а вовсе не дрожащий пушистый ягненок?! Разве это поможет?!

В итоге дикий зверь лишь спокойно поднял одну «овечью ногу» и закинул ее на себя.

Маленькая лодка продолжила качаться на волнах.

На полу лежал хоть и сомнительный на вид, но вполне надежный, плотный и непродуваемый слой мягкой клеенки. Закинув бедро на чужую талию, Ли Вэйдун в полузабытии наслаждался рельефом чужих мускулов — настолько гладких, что нога с них едва не соскальзывала.

Под шуршащим дырявым одеялом все места, к которым прикасался Цзи Кай, словно вспыхивали приятным, согревающим теплом. Но сам Цзи Кай, конечно же, был куда мягче, теплее и упруге всего вокруг...

Не удержавшись, он воровато приложил к нему и свою прохладную руку. Цзи Кай ничего на это не сказал.

Ослабевшие кончики пальцев слабо легли на чужую спину. Так хотелось ткнуть пальцем, но если реально ткнуть — он ведь точно снова рявкнет, да?

Ли Вэйдун мог поклясться: порыв «ткнуть» возник вовсе не из каких-то пошлых мыслей! Просто... просто ужасно хотелось ткнуть! А затем он мрачно усомнился, не свихнулся ли часом.

Вдруг над самым ухом раздался легкий смешок Цзи Кая:

— А в твоих ногах-то и мяса почти нет.

«~» «~~» «~~~» Да кто обещал не сжимать! Ч-что ты там опять тискаешь?!

Тонкие губы неудержимо задрожали, но он не мог вытолкнуть ни слова.

А мелкие муравьи тем временем перешагнули через все границы эволюции: начали сворачиваться в коконы, окрыляться и превращаться в бабочек, которые теперь хаотично порхали и метались из стороны в сторону.

— Директор Ли, если честно, я с тобой пару раз обедал и видел твой аппетит... Кот, которого я

раньше кормил, ел больше твоей нормы. Ешь побольше мяса в будущем, а то тетушка уже переживает за твое здоровье.

Кот... Ли Вэйду уже был не в состоянии нормально мыслить.

У него возникло стойкое иллюзорное ощущение: стоило ему сейчас открыть рот, как оттуда вырвется писк котёнка, а вовсе не привычный низкий бархатистый мужской голос. Это было ужасно. Да что там ужасно — его мужское достоинство подверглось полному разгрому, он был готов разрыдаться от злости!

Но он все-таки заговорил. Голос, вырвавшийся с превеликим трудом, прозвучал слабовато, но хотя бы глухо и хрипло:

— Твоя... одежда.

Цзи Кай не понял:

— Какая одежда?

Директор Ли словно испытывал удушье и долго выжимал из себя слова, прежде чем продолжить:

— Я считаю, ты... в остальном нормальный человек. Только вот те вещи, что я тебе купил, надевай почаще! А всех этих обтягивающих маечек и одного Ци Яна с меня с лихвой хватит!

Цзи Кай подумал: «Серьёзно?»

Ты с первой нашей встречи презираешь мой гардероб и презираешь до сих пор... Неужели тебя так штормит от этого?

Откуда ему было знать, что директора Ли сейчас волнует вовсе не «чувство стиля» — вообще не оно!

В голове директора Ли билась лишь одна-единственная мысль, одно слово... Плоть!

Просто когда Цзи Кай сжал его ногу и потянулся ближе, прижавшись обнаженным телом, этот прямой контакт с мускулами раздавил слабое сердце Ли Вэйду в труху! В остатках разума звучали лишь жалкие вопли...

Ты... ты что, специально?! Почему бы не надеть рубашку из нормального количества ткани? Зачем одеваться именно так?!

Если так пойдет и дальше... если так пойдет и дальше...

— Директор Ли, ты читал «Травы и деревья мира людей» господина Ван Цзэнци?

— Нет. — Где уж там книги, когда в голове лишь голое тело!

— Это сборник эссе. Там про обычную жизнь, свечаи и обычаи, цветы, птиц, деревья. У господина Вана отличный слог. Есть там одна фраза, я до сих пор считаю ее шедевром, сейчас процитирую.

— «Гардения крупная, размашистая, да пахнет так густо, что от аромата не отмахнешься, оттого утонченные люди ее не любят, считая дурновоспитанной. А гардения отвечает: "Да

пошли вы к черту! Я хочу именно так пахнуть, пахнуть вовсю и в свое удовольствие, а вас это, блин, вообще не касается!"»

Ли Вэйду: — ...

Ли Вэйду: —

Интеллект окончательно отключился, возразить было нечего! Самое страшное — он не просто не мог возразить, а моментально погрузился в образ, вызванный этими словами!

Ему словно явилось поле цветов и дерево с гардениями, трепещущими на ветру. Даже влажный, холодный морской воздух пропитался ароматом — ярким, густым, проникающим до самых костей сладким запахом гардений.

.....

В ту ночь Ли Вэйду вовсе не собирался спать.

В конце концов, спит он всегда отвратительно. Из-за многолетней неврастении ему приходилось спать только благодаря алкоголю и снотворному, да еще и надевать беруши с маской для сна, считая овец в полной, абсолютной темноте и тишине.

Завывание ветра за окном или даже дыхание человека рядом могли разбудить его, и тогда о сне можно было забыть.

Что уж говорить о нынешней ситуации: разваливающаяся посуда, качающаяся на ветру и в дождливых волнах, да еще и сплетенные руки и ноги с мужчиной, с которым они толком не знакомы.

Но вопреки ожиданиям он заснул неожиданно быстро.

И ему приснился очень странный сон. Действительно невероятно странный сон.

Ему снился свадебный банкет, на котором он побывал в детстве. Это происходило в отеле «Шангри-Ла» — двадцать с лишним лет назад лучшим отеле в городе, хотя на сегодняшний взгляд обстановка там выглядела весьма безвкусно.

Он тогда был высотой едва с обеденный стол. Жених и невеста в красных праздничных нарядах стояли на сцене, а пока гости шумели и веселились, у него в кармане что-то зазвонило.

Мобильные телефоны в те времена были огромными, словно кирпичи. Он ответил на вызов, и из трубки раздался взволнованный, но не чужой женский голос:

— Вэйвэй, это я, наконец-то пробилась к тебе! Это мама! Где ты? Папа рядом?

Мама?

Ли Вэйду застыл в оцепенении и оглянулся на сцену. Женщина, которая кланялась в тот момент, — красивая, грациозная, новая жена отца, тетушка Бай, та самая добрая и нежная женщина, что вырастила его... Разве «мамой» была не она?!

— Вэйвэй, где ты всё-таки? Почему вокруг так шумно?

— Я... я в... — Так кто же это? Кто называет меня Вэйвэй?

[Давайте аплодисментами подарим молодоженам самые искренние пожелания! А теперь просим жениха и невесту разрезать торт!]

— Вэйвэй, ты на свадьбе? На чьей свадьбе?

Папиной.

— Вэйвэй, послушай маму...

Но разве у него осталась мама? Кровь залила весь пол, и после того как уехала скорая помощь, мама больше никогда не возвращалась. Все говорили, что мама умерла.

— Вэйдю, Вэйдю! Вэйдю, почему ты плачешь?

Сцена сменилась. Сотовый телефон исчез, исчезли и гости. Подняв глаза, он увидел стоящую у кровати маленькую Е Инь:

— Вэйдю, не грусти. Новая тетя совсем другая, она не станет бить тебя, как прежняя. Не плачь, я тоже всегда буду с тобой! Я буду с тобой всю жизнь, и если никто тебя не полюбит, я буду любить тебя за всех!

Ли Вэйдю от начала и до конца четко осознавал, что находится во сне.

Ему хотелось проснуться, но он бессилён был это сделать. Ужаснее всего было то, что он уже не мог разграничить реальность и вымысел: правда ли на свадьбе отца и тетушки Бай ему звонила какая-то женщина?

И действительно ли Е Инь в то время говорила, что проведет с ним всю жизнь и будет любить его?

.....

Цзи Кая разбудил тихий всхлип.

Поняв, что плачет Ли Вэйдю, он окликнул его пару раз, а затем нащупал рядом телефон и подсветил экран. И только тогда заметил, что директор Ли у него в объятиях зажмурился, насупился и закусил побледневшие губы — он вовсе не проснулся.

Насколько же горьким должен быть сон, чтобы так рыдать во сне. Цзи Кай вспомнил слова тетушки о том, что детство у Ли Вэйдю было несладким. Почувствовав сочувствие, он уже хотел прижать его к себе поплотнее, как вдруг услышал тихий шепот:

— ...Сяо Инь.

Мать вашу! Всё, теперь точно не уснуть!

— Эй! Эй!

Без лишних церемоний, двумя мощными толчками он растолкал директора Ли.

— Ты уж прости, что помешал тебе смотреть твои кошмары!